
Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-40-49

**НА ПУТИ К БЕЛГРАДУ: ДИНАМИКА МЕЖИМПЕРСКИХ ДЕБАТОВ
ПО ВОПРОСУ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА КАБАРДЫ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.**

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2022

Аннотация. В 1739 г., завершая очередную войну гегемоны восточноевропейского геополитического пространства – Османская и Российская империи официально провозгласили «вольность» Кабарды. Настоящая работа сосредоточена на исследовании предпосылок такого исхода межимперского противоборства. В фокус исследования помещена динамика взаимодействия нарративных стратегий соперничающих держав в соотнесении с «языком самоописания» правителей ведущего восточноевропейского княжества. Материалы и документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) составили источниковую базу исследования. Ее анализ позволяет проследить сохранение преемственности в самопозиционировании политической элиты Кабарды на протяжении рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Кабарда, Россия, Порта, Крым, Константинопольский трактат, Адрианопольский трактат, подданство, военные действия

Для цитирования: Алоев Т.Х. На пути к Белграду: динамика межимперских дебатов по вопросу политического статуса Кабарды в первой четверти XVIII в. // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-2 (55). С. 40–49. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-40-49

Original article

**ON THE WAY TO BELGRADE: THE DYNAMICS OF THE INTER-IMPERIAL DEBATE
ON THE POLITICAL STATUS OF KABARDA
IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY**

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© T.Kh. Alov, 2022

Abstract. In 1739, ending another war, the hegemons of the Eastern European geopolitical space – the Ottoman and Russian empires officially proclaimed the “liberty” of Kabarda. This work is focused on the study of the prerequisites for such an outcome of the inter-imperial confrontation. The focus of the study is the dynamics of the interaction

of narrative strategies of rival powers in relation to the articulated “language of self-description” of the rulers of the leading East Circassian principality.

The text traces the preservation of continuity in the self-positioning of the latter throughout the period under review.

Keywords: Kabarda, Russia, Porta, Crimea, Treaty of Constantinople, Treaty of Adrianople, citizenship, hostilities

For citation: Aloev T.Kh. On the way to Belgrade: the dynamics of the inter-imperial debate on the political status of Kabarda in the first quarter of the 18th century. *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2022; 4-2 (55): 40–49. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-40-49

Шестая статья Белградского мирного договора, заключенного между Портой и Россией 18 сентября 1739 г. провозглашает следующее. «Об обеих Кабардах, то есть Большой и Малой, и Кабардинском народе, с обеих сторон соглашеннос[т]ь, что быть тем Кабардам вольным[и], и не быть под владением ни одного ни другого Империя, но токмо за бариеру между обеими Империями служить имеют; и что и от другой стороны блистательной Порты Туркам и Татарам во оныя не вступаться, и оных не обезпокоивать такожде и от Всероссийской империи оныя в покое оставлены будут. Но что однакоже по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую Империю от тех Кабардинцев, для спокойнаго их пребывания, аманаты; и Оттоманской Порте, також позволяется для такой же причины, брать от них таких же аманатов; а ежели помянутые Кабардинцы причину жалобы подадут одной или другой Державе, каждой позволяется наказать» [Юзефович 1869: 19].

Разумеется, эксплицитная констатация (внешне)политического статуса большинства шхагских политий в столь важном дипломатическом акте представляется значимой хотя бы с учетом того обстоятельства, что это было сделано впервые в рамках европейской конвенциональной дипломатии и по сути ознаменовало вступление восточочеркесских княжеств в пространство вестфальской системы международных отношений, тем более, что к появлению данного документа, так или иначе была причастна чуть ли не половина формирующегося концерта держав Старого Света. Если исходить из того, что документ адекватно отражал действительное положение Кабарды как независимого элемента актуальной на тот момент конфигурации центров сил в Восточной Европе и в этом смысле речь можно вести о торжестве суверенитета черкесских княжеств, то в не меньшей степени правомерным представляется акцентуация на проблематичности однозначной аттестации трактата, особенно, принимая во внимание контрагентов договора и прописанные в его тексте рестрикции. Однако в стремлении понять меру релевантности зафиксированного в Белграде статус-кво международным и военно-политическим реалиям и актуальной политической семантике представляется необходимым прежде всего прочертить динамику взаимных диспозиций гегемонов восточноевропейской политики по «кабардинскому вопросу» в соотнесении с «языком самоописания» самих фигурантов межимперского соглашения в предшествующий период.

В исторической литературе отсутствуют специальные исследования, посвященные анализу взаимодействия конкурирующих нарративов, выстраиваемых вокруг проблемы политического статуса Большой Кабарды рассматриваемого периода. Вместе с тем, круг работ в которых находят отражение те или иные аспекты затрагиваемого вопроса, довольно внушителен. Стоит отметить, что уже в первом обобщающем сочинении о народах кавказского региона – «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» С.М. Броневского [Броневский 1823: 82] отражены некоторые сюжеты, важные с точки зрения динамики политического статуса Кабарды в первой четверти XVIII в. В частности, в повествовании уделено определенное внимание крымским походам в Кабарду в 1708 и 1720 гг. Итоги этих коллизий, очевидным образом, предстают одними из определяющих

факторов, влиявших на выработку конкурирующими игроками своих оптик относительно политического положения восточночеркесских княжеств.

Фактическая полнота изложения событий в фундаментальной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева издававшейся с 1851 по 1879 гг. обеспечила значительно более подробный исследовательский взгляд. Имея в виду последовательное и скрупулезное воссоздание событийной канвы связанной с внешнеполитической деятельностью Петра I объяснимо, что повествование Соловьева важно не только своим потенциалом контекстуализации рассматриваемого предмета. Чрезвычайно значима насыщенность текста оригинальными документами [Соловьев 1963: 375], отражающими внешнеполитические приоритеты петровской дипломатии. В некоторых эпизодах артикулированную позицию российской стороны автор сопровождает внешнеполитической реакцией заинтересованных игроков. Такие «моменты стыка» позиций обеспечивают наиболее фактурные для анализа элементы текста.

С точки зрения выяснения диспозиции держав-гегемонов восточноевропейской политики на Северном Кавказе на излете первой четверти XVIII в. немаловажное значение имеют «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год» П.Г. Буткова. Несмотря на то, что с начала 1720-х гг. основное внимание российского правительства, в связи с Персидским походом Петра I, было уделено Восточному Кавказу и исследователи, разумеется, не могли проигнорировать подобное обстоятельство, в этом труде сформулированы полезные для настоящего текста положения [Бутков 1869: 15]. Работы ряда других дореволюционных авторов так или иначе касались событий, выступающих базисом для объекта интереса настоящей статьи. Поэтому ретроспективная оптика Н.Ф. Грабовского [Грабовский 1876: 117] и В.Н. Кудашева [Кудашев 1991: 52] принята во внимание при осмыслении определенных аспектов предмета исследования.

В советский период военные и дипломатические перипетии вокруг Кабарды первой четверти XVIII в. не раз оказывались в центре внимания исследователей. Здесь отметим двух важных авторов – Е.Дж. Налоеву и В.Н. Сокурова. Постановка задач, привлеченный материал и уровень анализа источников, продемонстрированных в работах этих авторов [Налоева 1969: 22], существенно углубили наши представления об определяющих чертах исторических реалий затронутого здесь периода [Сокуров 1977: 5]. В частности, реконструкция системы политических институтов Кабарды и их значение в контексте перипетий внешнеполитической динамики вокруг ведущего восточночеркесского княжества обозначили новую веху в исследованиях черкесской истории.

С опорой на эти достижения в последующем были предприняты довольно продуктивные исследовательские инициативы. Прежде всего речь идет об исследованиях Дж. Я. Рахаева. Его статьи «Центральное Предкавказье в русско-турецких отношениях в 1700–1711 гг. (по материалам российских архивов)» [Рахаев 2005: 234] и «Кабарда в российско-османских отношениях в 20-е гг. XVIII в.» [Рахаев 2009: 147] послужили серьезным подспорьем при решении задач настоящей работы.

Выстраивая рассуждения по рассматриваемому вопросу в качестве отправного пункта целесообразно обратиться к некоторым особенностям текста Константинопольского мирного договора между Портой и Россией 1700 г. Версия документа на «словенском языке» начинается с царской титулатуры где отмечено, что Петр является наряду с прочим «повелителем» «Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей». Между тем, в двух статьях из четырнадцати «черкассы» / «черкессы» явлены как фигуранты представляющие противоположную сторону [Юзефович 1869: 19]. Принимая во внимание обстоятельства заключения этого трактата, когда напряженные переговоры продолжались в течение почти года и каждая деталь обговаривалась в ходе многочисленных «конференций» можно

исключить недосмотр переговорщиков в этом моменте. В таком случае можно предположить, что стороны мирились с «вкравшимися» в текст апокрифами исключительно ввиду очевидности орнаментального характера их упоминания. По крайней мере обращение к источникам черкесского происхождения обеспечивает более критический взгляд на «реальную» диспозицию держав-гегемонов в отношении политических акторов Черкесии, в частности Кабарды. Весьма информативными в этом плане предстают сведения находившегося с 1706 г. в Крыму католического миссионера, епископа Дюббана. Им был составлен вопросник с целью выяснения перспектив прозелитизма со стороны населения соседней с Крымом Черкесии. Предваряет он свои вопросы ознакомлением с общими штрихами разгрома крымско-османской армии в Большой Кабарде в военную кампанию 1708 г. Между прочим, обстоятельства этой войны, когда один из заявителей своего суверенитета в Черкесии выступал агрессором, а другой проигнорировал предложения о коалиции для совместного отпора ему и уклонился от какой-либо формы участия в ней весьма красноречивы с точки зрения прояснения соответствия деклараций политическим реалиям. Весьма показательным предстает и постановка первого вопроса в тексте. Он звучит следующим образом: «Кому они (черкесы. – Т.А.) подчиняются, коль **по их собственным словам** (выделено нами. – Т.А.) они не зависят от Великого Повелителя (османского султана. – Т.А.) или Царя или некоторых иных отдельных государей?» В ответе на него отмечается, что «... с 1708-го [г.], когда они (черкесы Кабарды. – Т.А.) наголову разбили с помощью военной хитрости татарскую армию, они защищаются как могут, и слушать не желают о дани. Кабарта, являющаяся самой сильной областью, полагается на свои ущелья и на суровость своих гор. Ныне они поддерживают некоторые сношения с Царем, но не подчиняясь ему. Великий Повелитель (османский султан. – Т.А.) не имеет никакого отношения к Черкесии, ни равнинной, ни горной» [Черкесские этюды... 2012: 32–33].

Для определения характера установленных связей Кабарды и России уместно обратиться к письму Петра I, адресованному азовскому губернатору И.А. Толстому спустя несколько месяцев после татарского разгрома в Кабарде, в феврале 1709 г. В нем царь указывал: «Понеже от турков хотя и еще не совершенно, однако ж, некоторое начинает быть помышление к войне, того ради вам надлежит... обслатца к черкесом, котория ныне воуют с крымцы, похотят ли они с нами заодно быть... аднакож zelo тайно и не от своего лица» [Рахаев 2005: 238]. В условиях, когда по словам черкесских князей «у нас с крымцами идет война великая» [Рахаев 2005: 239]. согласие Кабарды вступить в антикрымский альянс было вполне предсказуемым, но вряд ли предопределенным. Согласования и переговоры относительно конкретного содержания намечавшегося союза продолжались два года. И накануне выступления кабардинских войск в поход против Кубанской Орды 1711 г. черкесские лидеры передали через прибывшего в Кабарду А. Бекович-Черкасского свои условия. Проявляя разумную прагматичность в качестве приоритета ими было обозначено желание, чтобы «...царское величество не оставил черкесов, ежели будут трактаты с турком к миру, в тех трактатах не забыть и черкес...» [Рахаев 2005: 245]. Однако прутский провал Петра фактически дезавуировал достигнутые соглашения. Более того, в рамках Адрианопольского трактата 1713 г. Петербург согласился на признание «черкасского» народа «принадлежащим Крыму» (что было некоторым понижением его статуса в сравнении с условиями Константинопольского договора, где декларировалось их подданство Порте наряду с татарами и ногайцами) [ПСЗРИ 1830: 40]. Однако то, что в (по крайней мере, обоюдном) понимании тогдашних контрагентов понятие «черкасский народ» обнимало и кабардинские феодальные агрегации далеко от самоочевидного. Видимо, наиболее релевантным тогдашним обстоятельствам взглядом будет рассмотрение данной ситуации как очередной фиксации имперских претензий. Здесь

вспоминается один из недавних тезисов, согласно которому вплоть до XVIII в., Россия считалась в Черноморско-Каспийском «регионе «своей», понятной и понимающей принципы местных взаимоотношений. Они выражались в признании размытости межгосударственных границ и относительности (по европейским понятиям) (а временами и номинальности. – Т.А.) вассалитета местных владык к своему верховному сюзерену» [Орешкова, Ульченко 2006: 173]. Этой рамке не противоречат и рассуждения вполне европеизированного царского сподвижника Бекович-Черкасского уже после заключения Адрианопольского мира. В 1714 г., известившись об активности представителей крымского хана в Кабарде, он писал: «И ежели оное турецкое намерение исполнится, то, когда война случится, могут немалую силу показать, понеже оный народ лучший в войне, кроме регулярного войска. Ежели ваше величество соизволите, чтоб оный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под область свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться; а когда уже турки их под себя утвердят, тогда уже будет поздно и весьма невозможно того чинить. А опасности никакой в превращении их не будет, понеже народ там вольный есть» [Соловьев 1963: 365]. И именно из адекватности подобной аттестации проистекают содержания последующих обращений. В послании его собратьев-князей к царю в 1717 г. говорится следующее: «Понеже как от вашего величества приехал к нам князь Александр Бекович и объявил, дабы нам быть в подданстве и в холопстве вашего величества, и мы по его словам поддались и Вам, великому Государю, холопами быть обещались, как вам, великому государю, калмыки служат, будучи в холопстве и в каких случаях содержатся. И нас бы так оберегал, ваше величество... Мы в своем слове и шерте пребываем верно» [Кабардино-русские отношения (КРО)... 15–16]. На первый взгляд парадоксальным кажется подчеркнуто верноподданническая риторика тех, кого петровский сподвижник аттестовал *вольными*. Однако оставляя за скобками цветистую лексику обратимся к прагматике обращения. Она была сформулирована ими в трех пунктах. Во-первых, черкесские лидеры требовали «не крестить» и возвращать выбегавших на российскую границу крестьян. Во-вторых, артикулировалась необходимость обеспечения оперативной военной поддержки («ныне весною нам пожалуй войск для защищения наших земель и юртов») [КРО... 16]. И, в-третьих, «как вашим служителем и рабом корм и жалованье указом вашим дается, и оные в какой милости содержатся, так бы и нам жалованье определить, и милость показуя содержать» [КРО... 16]. Как выше отмечено в качестве образца они артикулировали модель взаимоотношений установившийся между калмыками и Россией. Между тем в оценках административных структур последней она не рассматривалась оптимальной (и даже приемлемой). В 1722 г. в Коллегии иностранных дел об этом предмете отзывались следующим образом: «... а калмыцкой народ хотя и подданной нам и под протекцию нашу обретается... однако же своевольной и в степи кочующий народ не может тако в покое и послушании содержан быть...» [Архив внешней политики Российской империи... Оп. 115/2. 1721–1722. Д. 3. Л. 7]. По мнению составителей такой характеристики, подконтрольность калмыков была настолько сомнительной, что те вовлекаются в «своевольства и набеги» «от чего и нашим подданным великие обиды починены» бывают [АВПРИ. Оп. 115/2. 1721–1722. Д. 3. Л. 7]. Забегая вперед отметим, что даже такой, подразумевавший, с точки зрения агентов имперского продвижения, ограниченную (и сомнительную) субординацию модус взаимодействия так и не получил воплощения в отношениях с Большой Кабардой.

Возвращаясь к асерции высказывания очевидно, что квалифицирующими положение его авторов обстоятельствами предстают артикулированные время («когда приехал к нам князь Александр Бекович») и активная позиция («мы по его словам поддались... и обещались»). Собственно, вне их субъектности слова «мы в своем слове и шерте пребываем верно» были бы невозможны. Несмотря на

нарастающую турбуленцию и осложнение (доходившее в некоторые периоды до предельно экстремальных показателей) своего положения в последующие годы правители княжества неизменно выступали с позиции дееспособных самостоятельных игроков. Так, на следующий 1718 г., чиновникам внешнеполитического ведомства посол из Кабарды сообщал: «Приказали ему князья також донести, что когда царское величество изволит их держать у себя в подданстве, то б изволил их к службе своей употреблять, и жалованьем определить, и от неприятелей охранять; а они в своей верности непоколебимо пребудут». Очевидно, что здесь князья воспроизводили обозначенные в предыдущем году пункты соглашения, к которому они апеллировали не первый год. При этом, имевшие основания рассматривать поведение контрагента если не как недобросовестное, но, по меньшей мере, уклончивое, черкесские князья делегировали своему представителю поставить на вид свои претензии в близкой к ультимативной тональности. Вышеприведенное сообщение посол завершал словами: «Ежели ж они его величеству ненадобны, то б изволил им объявить, дабы они о том знали» [КРО... Т. II. С. 19]. Важно указать, что риторические установки правителей Кабарды не претерпевали изменений и в условиях развернувшихся вскоре (следует отметить, первоначально весьма неблагоприятно развивавшихся для адресантов) масштабных военных действий. Укоряя российское руководство в бездействии, они подчеркивали «... а в чем мы согрешили, и какая в том наша вина, что мы, будучи под протекцию вашего царского величества, от всех неприятелей нападение имеем...» И, далее невзирая на то, что ресурсов в их распоряжении стало вдвое меньше (в связи с расколом правящей элиты) авторы не сбавляли тон перед могущественным партнером: «А ежели соизволением вашего царского величества Кабарда и кабардинские народы вам не надобны, и вы, великий государь, извольте нас уведомить, и мы будем себя как можно оборонять» [КРО... Т. II. С. 25].

Вторгшийся летом 1720 г. в Кабарду с 40-тысячным войском крымский хан Саадет-Гирей пытаясь воспользоваться внутривосточным кризисом в княжестве форсировал события: «учинил на их (черкесов. – Т.А.) жилища... нападение и конские и животинные стада их отогнали и хлеб пожгли и потолочили, и жилища их разорили...» [КРО... Т. II. С. 28]. Оправившись от первой волны нашествия группировка князей во главе с Кайтуко Асланбеком в очередной раз обращается к российскому руководству. Принимая во внимание то обстоятельство, что письмо было составлено в разгар военной кампании в условиях крайней эскалации конфликта неудивительно, что его текст предельно прагматичен. Черкесы писали: «... когда мы от себя отправили брата своего Садатгирея за посла к его Ц.В. о том уведомляя Крымский хан собрав нескольких кубанских татар учинил на нас нападение и вымагал у нас он крымский хан со всякого дому по человеку иесырей и чтоб мы добровольно все ехали на житье в Кубань, а ежели добровольно не поедем, то грозил нам злыми угрозами. А мы ему хану ответствовали. Хан, тебе до нас дела нет, а нам до тебя дела нет понеже мы под царского величеств протекциею обретаемся и служим ему Великому Государю и потом он крымский хан свирепее на нас напал и хлеб всякой наш и сена у нас все что было пожег потом» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1720–1721. Д. 5. Л. 9–10]. Продемонстрировав, с одной стороны, твердость в исполнении взятых на себя обязательств и, следовательно, неизменную приверженность в следовании соглашениям десятилетней давности, черкесы, разумеется, призывали к взаимности – наполнить понятие *протекция* реальным содержанием, направив в Кабарду военную помощь. В критической ситуации в которой оказалась группировка князей во главе с Кайтуко Асланбеком (получившая в историографии название Кашкатауской партии) уже не было резонов скрупулезно следовать дипломатическому политесу. Поэтому авторы послания требовательные интонации, крещендо нараставшие в предыдущие годы довели до явственного ультиматума: «Извольте донести великому государю годны

ли мы его царскому величеству или негодны да буде негодны и мы будем от себя стараться как возможем, и после на нас не кручинитесь якобы мы вам не доносили...» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1720–1721. Д. 5. Л. 9–10].

Россия в тот период не только не оказала последней помощи, но в разгар военной кампании заключила с Портой Константинопольский «вечный» мир, в котором фиксировалась «крымская» принадлежность «черкасского народа» (о чем в корреспонденциях с кабардинцами не сообщалось). И это неудивительно – еще в предыдущем году тогдашний астраханский губернатор А.П. Вольтер в письме царю артикулировал текущее отношение к Кабарде: «Хотя народ черкеской и не так к границам его (царского) величества близок, однако ж, по моему мнению, не без пользы б было, ежели их в некотором, хотя малом, награждении содержать, от которых я и не надеюсь ныне великого плода, однако ж и то мне не без пользы, ежели и вредить не будут». С чем царь и согласился [Рахаев 2009: 147]. Однако в условиях нарастающей турбулентности по периметру кабардинской территории российская сторона отошла от такой установки: сначала в первой половине 1721 г. в Кабарду в помощь лидеру Кашкатауской партии Кайтуко Асланбеку был направлен контингент войск из России (донские казаки, калмыки), а поздней осенью астраханский губернатор прибыл в приграничные с этим восточночеркесским княжеством казачьи городки для осуществления посреднической миссии в урегулировании внутрикабардинского конфликта. Возможность таких усилий с российской стороны, думается, можно рассматривать как результат понимания со стороны Петербурга, неконгруэнтности зафиксированного в Стамбуле статуса «народа черкеского» военно-политическим реалиям в кавказском регионе. Несомненно, российские инициативы были простимулированы также устойчивостью кашкатауской группировки кабардинских князей в условиях крымского вторжения при поддержке значительной части политической элиты княжества. К тому же в самом начале 1721 г. корпус крымских войск, остававшийся на территории Кабарды был разгромлен в ходе битвы на р. Нальчик. Однако мобилизация ресурсов ханства грозила демпфированием антикрымского очага сопротивления, не располагавшего всем военным потенциалом ведущего восточночеркесского княжества. В этом случае границы ханства фактически выходили в район нижнего Терека, что на порядок повышало риски имперским коммуникациям в Прикаспийском регионе накануне Персидского похода 1722 г. Как бы то ни было негативная реакция Порты не заставила себя ждать. Российский резидент в Стамбуле докладывал, что 14 января 1722 г. его посетил «переводчик Порты». Султан, согласно этому сообщению, предложил «дабы ваше императорское величество подданным своим запретил и наказание учинил дабы бунтовщикам ханским протекции и помочи не давали и в делах их не мешались» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1721–1722. Д. 3. Л. 7]. Спустя некоторое время, в марте 1722 г. уже османский посол Миралем Кападжи Мустафа-паша подал императору ноту протеста по поводу российской активности в кабардинском направлении. Этого было достаточно, чтобы Петербург отступился от своего партнера. В письме Ахмеду III сообщалось: «Донесено нам от резидента нашего, пребывающего при дворе вашего салтанова величества, что через доношение хана крымского вам объявлено, будто от подданных наших чинятца некоторые дела, противные вечному миру постановлению, и даецца протекция кабардинским баям против его хана крымского... Подданные наши, – никогда такого указа не имели, что за которого кабардинского владельца с ханом крымским в ссору вступать...» [Рахаев 2009: 160]. Для вящей убедительности резиденту Неплюеву была направлена инструкция следующего содержания: «И о том что по желанию беев кабардинских некоторые самовольные казаки и калмыки были за деньги от них призваны, и в том тебе накрепко надлежит по содержанию нашей Грамоты уверить, что они то собою самовольно учинили, и от нас им никакого позволения не было, и накрепко им казакам заказано от нас дабы отнюдь

нималейшего виду к нарушению... вечного покоя не подавали» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/2. 1721–1722. Д. 3. Л. 7].

По-видимому, не в последнюю очередь эти обстоятельства послужили соответствующей историографической интерпретации. Так, П.Г. Бутков еще в позапрошлом столетии окидывая ретроспективным взглядом взаимоотношения империи с кавказскими акторами накануне персидского похода 1722 г. счел корректным отнести связи с восточными черкесами в рубрику «внешние отношения». При этом их содержание он охарактеризовал следующим образом: «Кабардинцы находились в приверженности к российскому престолу, и от их содержались в Терках аманаты» [Бутков 1722–1803: Ч. I. С. 15]. Разумеется, при подобном геополитическом раскладе крымскому хану не составляло труда выдвигать претензии на Кабарду. Он писал о черкесах как «подчиненных ханам крымским издревле» и, соответственно, недопущении вступаться «в дела народов чиркасских, понеже они подданные хану крымскому» [Рахаев 2009: 159]. Но за неимением возможности вооруженной рукой подкрепить свои устремления, адресовались эти претензии османскому султану. На «земле» же, несмотря на предельную степень внутривосточного противостояния в Большой Кабарде, претензии из Бахчисарая теряли свою категоричность и внятность. Так, в апреле 1725 г. кашкатауско-крымская коалиция под общим руководством Бахты-Гирея смогла блокировать баксанцев в «Пщикове» и принудить к миру. Тогда «Бахтагирей салтан с войском и побрал на Кубань три кабака абазинских владенья Богамата Кургокина (Хатокшоко Бомат. – Т.А.) в которых кабаках было например с 500 человек или больше» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1725. Д. 2. Л. 3]. Более того, Мисост Ислам, Хатокшоко Бомат, Мисост Касай вынуждены были отдать в аманаты в Крым по шесть человек «узденских детей» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1725. Д. 2. Л. 3]. И даже при этих отчаянных для своих противников обстоятельствах Бахти-Гирей не пытался предъявить претензии касательно статуса Кабарды. Свидетелю этих событий, терскому дворянину Ивану Манаку, находившемуся в это время «во Пщикове урочище» с баксанцами, крымский султан сказал, «что два де царства Российское и Турецкое ныне в миру, а и он де Бахтагирей с нами хочет жить в союзе, а ево де привел Арасламбек воевать Кабарду» [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 115/1. 1725. Д. 2. Л. 3]. Ретроспективно можно сказать, что тем самым крымцы упустили последний шанс для своего утверждения в ведущем восточночеркеском княжестве.

Спустя несколько месяцев ситуация кардинально изменилась; клан Кайтуко потеряв поддержку как со стороны князей Бекмурза так и дворянства собственного удела был вынужден эмигрировать в Крым. Раскол в коалиции Кайтуко и Бекмурза и присоединение последних к баксанцам означал, кроме всего прочего, прекращение противоборства княжеских группировок Большой Кабарды в формате «Баксанская – Кашкатауская» партии. Новая консолидационная парадигма, сложившаяся в княжестве зиждилась на сохранении политической самостоятельности, с чем не могли не считаться основные игроки геополитического пространства Юго-Восточной Европы.

При обращении к динамике нарративной коммуникации основных акторов международной политики в северокавказском регионе в первой четверти XVIII в. открывается картина специфического дискурсивного взаимодействия заинтересованных игроков. Продолжая свою устремленность к расширению сфер влияния державы-гегемоны восточноевропейской политики – Российское государство и Османская Порта (с Крымским ханством) периодически, в той или иной форме артикулировали свои притязания на включение кабардинских княжеств в орбиту своих интересов (и в пределе, непосредственно под свою юрисдикцию). Они отражены в международных договорах, титулатуре, дипломатической и иной переписке. При этом на протяжении рассматриваемого периода, в ходе дискурсивного противоборства между империями чаша весов, в силу ряда объективных причин,

устойчиво склонялась в сторону Порты. На излете первой четверти XVIII в. российская сторона даже официально отказывалась от своих особых отношений с Большой Кабардой. Вместе с тем сохранность ее ресурсов сопротивления (в широком смысле) под напором более чем двадцатилетнего перманентного военного давления со стороны Крымского ханства и устойчивость этоса независимого правления в представлениях правящего класса княжества позволяло не отказываться от идеи того, что «наперед сего Крымского хана, или оттоманского рабы не бывали и от них не бегивали...» [АВПРИ. Ф. 115/1. 1721. Д. 1. Л. 6]. Дальнейшее развитие событий продемонстрировало, что именно эта установка оказалась наиболее адекватной реалиям межгосударственного взаимодействия в регионе.

Список источников

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Броневский 1823 – [Броневский С.М.] Новейшие географические и исторические известия о Кавказе собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. 465 с.
- Бутков 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. I. СПб., 1869. 266 с.
- Грабовский 1876 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 112–212.
- КРО 1957 – Кабардино-Русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. II. М., 1957. 423 с.
- Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. 188 с.
- Орешкова, Ульченко 2006 – *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция: проблема формирования границ. М., 2006. 229 с.
- Налоева 1969 – *Налоева Е.Дж.* К вопросу о политическом положении Кабарды в начале XVIII века // Ученые записки КБГУ. Вып. 40. Нальчик, 1969. С. 18–35.
- ПСЗРИ 1830 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V. 1713–1719. СПб., 1830.
- Рахаев 2009 – *Рахаев Дж.Я.* Кабарда в российско-османских отношениях в 20-е гг. XVIII в. // Исторический вестник. Т. VIII. Нальчик, 2009. С. 138–183.
- Рахаев 2005 – *Рахаев Дж.Я.* Центральное Предкавказье в русско-турецких отношениях в 1700–1711 гг. (на материалах российских архивов) // Исторический вестник. Вып. I. Нальчик, 2005. С. 226–249.
- Соловьев 1963 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. IX. М., 1963. 700 с.
- Черкесские этюды... 2012 – Черкесские этюды. Историко-этнографическое издание. Составление, предисловие, перевод с французского и английского языков К.А. Мальбахова. Нальчик, 2012. 110 с.
- Юзефович 1869 – *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869. 326 с.

References

- Arxiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii.* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]
- BRONEVSKIJ S.M. *Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze sobranny'e i popolnenny'e Semenom Bronevskim* [The latest geographical and historical news about the Caucasus collected and replenished by Semyon Bronevsky]. М., 1823. 465 p. (In Russian)
- BUTKOV P.G. *Materialy` dlya novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g.* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. Ch. I. Spb., 1869. 266 p. (In Russian)
- GRABOVSKIJ N.F. *Prisoedinenie k Rossii Kabardy` i bor`ba ee za nezavisimost`* [Kabarda's accession to Russia and its struggle for independence] // *Sbornik svedenij o kavkazskix gorcзах. Vy`p. IX. Tiflis, 1876. P. 112–212.* (In Russian)

Kabardino-Russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries]. Т. II. М., 1957. 423 p. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. Nal'chik, 1991. 188 p. (In Russian)

ORESHKOVA S.F., UL'CHENKO N.YU. *Rossiya i Turciya: problema formirovaniya granicz* [Russia and Turkey: the problem of border formation]. М., 2006. 229 p. (In Russian)

NALOEVA E.Dzh. *K voprosu o politicheskom polozenii Kabardy` v nachale XVIII veka* [On the question of the political situation of Kabarda at the beginning of the XVIII century]. IN: *Ucheny`e zapiski KBGU. Vy`p. 40. Nal'chik, 1969. P. 18–35.* (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. Т.V. 1713–1719. Spb., 1830. P. 40. (In Russian)

RAXAEV Dzh.Ya. *Kabarda v rossijsko-osmanskix otnosheniyax v 20-e gg. XVIII v.* [Kabarda in Russian-Ottoman relations in the 20s. XVIII c.]. IN: *Istoricheskij vestnik. T. VIII. Nal'chik, 2009. P. 138–183.* (In Russian)

RAXAEV Dzh.Ya. *Central'noe Predkavkaz'e v russko-tureczkix otnosheniyax v 1700–1711 gg. (na materialax rossijskix arxivov)* [Central Ciscaucasia in Russian-Turkish relations in 1700–1711 (on the materials of Russian archives)]. IN: *Istoricheskij vestnik. Vy`p. I. Nal'chik, 2005. P. 226–249.* (In Russian)

SOLOV'EV S.M. *Istoriya Rossii s drevnejshix vremen* [History of Russia since ancient times]. Kn. IX. М., 1963. 700 p. (In Russian)

Cherkesskie e`tyudy [Circassian etudes]. Istoriko-e`tnograficheskoe izdanie. Sostavlenie, predislovie, perevod s francuzskogo i anglijskogo yazy`kov K.A. Mal'baxova. Nal'chik, 2012. 110 p. (In Russian)

YUZEFOVICH T. *Dogovory` Rossii s Vostokom* [Treaties between Russia and the East]. *Politicheskie i torgovy`e. Spb., 1869. 326 p.* (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Средневековой и Новой истории.

Information about the author

T.H. Aloev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 26.12.2022.